

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МЕЖДУ ПРАГМАТИЗМОМ И ИДЕАЛИЗМОМ: К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИКИ НА БАЛКАНАХ (конец XIX — начало XX вв.)

О.И. Агансон

Кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Россия, Москва, 119992

В статье, на примере Великобритании рубежа XIX—XX вв., исследуется влияние дискуссий по международной проблематике на внешнюю политику государства. Автор показывает, что адаптивное Форин оффис некоторых подходов британских радикалов к урегулированию Восточного вопроса придало определенную гибкость и разнообразие политике Лондона на Балканах.

Ключевые слова: Великобритания, Балканы, британские радикалы, Восточный вопрос, Османская империя.

Выработка внешнеполитического курса является комплексным, нелинейным процессом, в ходе которого взаимодействуют различные факторы: внутренние и международные (по характеру происхождения); материальные и нематериальные, если судить о ресурсах страны; объективные и субъективные в оценках лиц, определяющих и реализующих внешнеполитическую стратегию государства. Этот процесс заметно усложняется, когда речь идет о внешней политике великой, тем более мировой, державы. С распадом биполярной системы и утверждением США в качестве единственной сверхдержавы особую популярность приобрел тезис о том, что политические институты, нормы, традиции оказывают заметное влияние на формирование внешнеполитического курса государства и, чем демократичнее оно, тем конструктивнее и эффективнее его политика на мировой арене [1. С. 154—157]. В этом смысле обсуждение общественностью, прежде всего, конечно, интеллектуалами-экспертами (чьи политические убеждения не обязательно совпадают), различных международных сюжетов положительно отражается на внешней политике государства, поскольку лица, ответственные за принятие решений, учитывают новые, плодотворные идеи, высказанные в ходе дискурса. Диалог между правительством и неофициальными кругами делает внешнеполитический

курс государства более гибким и адаптивным, так как наряду с традиционной дипломатией позволяет правительству разнообразить внешнеполитический арсенал страны неформальными средствами проведения своего влияния, особенно когда это касается региональной политики. Однако с исторической точки зрения было бы несправедливо утверждать, что США являются «пионерами» в применении этих подходов. Тенденцию воздействия дискуссий по тем или иным международным проблемам на внешнюю политику государства, а также стремление диверсифицировать инструменты реализации своего курса в том или ином регионе посредством использования неформальных (альтернативных) каналов проведения влияния можно проследить на примере взаимодействия британских радикалов и официального Лондона по урегулированию Восточного вопроса в конце XIX — начале XX вв. В данной статье мы постараемся понять, в чем заключалось новаторство идей радикалов, как они воздействовали на выработку балканской политики Великобритании, а также почему оказалось возможным построить «золотой мост» между подходами Форин оффис и радикалов.

В обозначенный период Восточный вопрос являлся «гордиевым узлом» международных отношений; он был вызван постепенным упадком Османской империи, активизацией национально-освободительных движений на ее территориях, а также борьбой великих держав за «наследство» султана. В Великобритании, которая была мировой державой того времени (известно выражение, что «над Британской империей никогда не заходило солнце»), пристально следили за судьбой Турции, контролировавшей морские и сухопутные подступы к британским восточным колониям. Официальные круги, прежде всего, волновала проблема обеспечения безопасности британских коммуникаций в Азии. В условиях конфронтации с Россией доминантой их внешнеполитического курса являлось поддержание целостности Османской империи, что предполагало подавление национально-освободительных движений на турецких территориях, в том числе и на Балканах, которые могли быть использованы враждебной державой как плацдарм для проникновения на Восток. Представители гуманитарной общественности (радикалы), напротив, придавали первостепенное значение цивилизационной и моральной компоненте в урегулировании Восточного вопроса.

Радикалы, политики, ученые, журналисты, общественные и религиозные деятели, по своим воззрениям, принадлежали к левому крылу Либеральной партии. У них сформировалась собственная концепция развития международных отношений. Радикалы обозначили ряд принципов, на которых, по их мнению, должна была базироваться британская внешняя политика. Они полагали, что враждебность государств будет ослаблена вследствие общемировой интеграции капитала: взаимозависимость на таком уровне вынудит великие державы сотрудничать друг с другом, а молодые государства, и в первую очередь балканские, станут частью «цивилизованной» Европы как только избавятся от неблагоприятных условий существования [20. Р. 219—220]. Англичане, на взгляд радикалов, как самая свободолюбивая и прогрессивная нация были призваны нести «просветительскую» миссию среди народов, для которых понятия либерализма и фри-треда остава-

лись пустым звуком. Демократическое правительство, права человека, свобода совести и печати, безопасность жизни и имущества — это универсальные, единые аксиомы для всего человечества; следуя этим «рецептам», люди всей земли будут мирно сосуществовать и благоденствовать.

В период Восточного кризиса 1875—1878 гг. радикалы заявили о себе как о силе, которую нельзя было игнорировать в процессе выработки балканской политики. Их манифестом стал написанный в 1876 г. лидером Либеральной партии У. Гладстоном памфлет «Болгарские ужасы и Восточный вопрос». Это произведение — яркое, эмоционально насыщенное, наполненное выразительными образами, эпитетами и метафорами, произвело среди современников эффект разорвавшейся бомбы. Гладстон сформулировал две ключевые проблемы, которые затем послужили основой для дальнейших дискуссий вокруг британской позиции в Восточном вопросе.

Во-первых, не стесняя себя в выражениях, глава либералов охарактеризовал турок как «великих злодеев», которые «езде оставляли за собой кровавый след». По его словам, «цивилизация заканчивалась там, где начинались их (османские — О.А.) владения» [11. С. 17]. Гладстону, как справедливо отмечает британский исследователь Дж. Бёрман, «лучше, чем кому бы то ни было удалось совместить нравственное рвение и современные средства массовой информации с тем, чтобы трансформировать образ турка из „старого союзника Британии“ в „чудовищного тирана“» [5. С. 63—64].

Во-вторых, Гладстон призывал опираться на национально-освободительные движения балканских народов как жизнеспособную силу, в отличие от переживавшей упадок Турции [11. С. 19]. Малые балканские государства, по его утверждению, с готовностью ориентировались бы на ту великую державу, которая с ними не граничила, а значит была не склонна вмешиваться в их внутреннюю жизнь [11. Р. 66]. Вполне логично, что в роли такой великой державы могла выступать Англия.

В конце XIX — начале XX вв. идеи Гладстона были поддержаны и развиты его многочисленными сторонниками. Так, широкое распространение получил тезис о том, что сохранение власти султана над балканскими провинциями — это «аномалия», которая противоречила законам истории [9. С. 1]. Особый акцент делался на азиатском происхождении турок, а также их этническом и лингвистическом сходстве с народами Центральной Азии. Из чего заключалось, что «турецкие права» на балканские территории были нелегитимны [9. Р. 72—84]. Выдвигался тезис о том, что османы в силу своего восточного менталитета и мусульманского вероисповедания не могли управлять христианами [16. С. 950; 12. С. 314; 3. С. 21].

Журналисты, освещавшие события на Балканах, в своих статьях, книгах, путевых заметках очень добросовестно, используя огромное количество фактического материала, в том числе и визуального, изображали тот разительный контраст, который существовал между получившими независимость балканскими государствами и землями (Македонией и Фракией), возвращенными по Берлинскому

трактату 1878 г. под власть султана. Например, корреспондент газеты «Дэйли Мэйл» Р. Уайон противопоставлял территории, располагавшиеся по обе стороны болгаро-турецкой границы: для Болгарии, как следует из его очерков, были характерны аккуратные города, возделанные поля, дружелюбное и грамотное население, в турецкой Македонии же царили разруха, хаос, бедность и страх [21. С. 75—83, 159—160].

Все большее внимание британских политиков, журналистов, исследователей начинали привлекать получившие независимость балканские государства. На страницах многочисленных либеральных изданий болгары, сербы, черногорцы представляли уникальными, динамичными и исполненными жизненной силы народами [21. С. ix; 2. С. 17; 10. С. 32—33]. Европейский, в частности английский, читатель получал представление о своеобразии жизненного уклада балканских крестьян. Так, Сербия, по словам английского писателя Г. Вивиана, воплощала собой образец сельской демократии [19]. В работах британских интеллектуалов особым романтическим флером была овеяна история Черногории: они писали об этой маленькой балканской стране, затерянной в горах, как о некоем заповедном уголке, где народ свято чтит традиции предков [7].

Такой интерес британских общественно-политических кругов к независимым балканским государствам был продиктован не просто жадой новых познаний, а вполне прагматическими соображениями. Местные государства стали восприниматься как «естественные наследники» Турции в Юго-Восточной Европе. В первую очередь это относилось к Болгарии, доказавшей свою жизнеспособность в период кризиса 1885—1886 гг. В случае распада Османской империи Болгарскому княжеству, как отмечал британский журналист Э. Дайси, было суждено заполнить образующийся в регионе вакуум силы [8. С. 5—6].

Примечательно, что из всех «восточных» народов именно балканские (а также армяне), на взгляд британских радикалов, могли «дотянуться» до европейских стандартов «цивилизованности», а значит были способны сопротивляться «русификации» или «германизации» [4. С. 13—14]. Так, Дж. Брайс, представитель Либеральной партии и соратник У. Гладстона, призывал Англию всмотреться в «неведомые дали», ибо она только выиграла бы от развития «малых национальностей» [4. С. 15].

Радикалы возлагали ответственность на Британию за то бедственное положение, в котором находились балканские провинции. Ведь именно под давлением Лондона в 1878 г. Македония и Фракия были возвращены в состав Османской империи, а потому, по мнению радикальной общественности, британское правительство было обязано принимать самое активное участие в проведении реформ в европейских вилайетах Турции с целью улучшить условия жизни местного населения.

Взгляды радикалов на пути урегулирования Восточного вопроса не получили практического осуществления в политике официального Лондона. Но в 90-е гг. XIX в. ввиду ухудшения международной обстановки Уайтхолл был вынужден переоценить роль и место Османской империи в британской внешнеполитической

стратегии. В этот период происходило нарастание англо-германского антагонизма на международной арене. Претензии Берлина на «мировое лидерство» проявились в активизации его политики на Ближнем Востоке, в результате чего Османская империя оказалась в орбите германского влияния. В таких условиях руководители Форин оффис признали справедливость и «полезность» для Англии принципов, озвученных радикалами, в частности в отношении Балкан и турецкого присутствия в этом регионе. Поскольку поддержка национально-освободительных движений балканских христиан была равнозначна отрицанию принципа территориальной целостности Османской империи, то она никогда не декларировалась Лондоном на официальном уровне. Необходимо было найти неформальные каналы проведения своего влияния в регионе, что, в итоге, и было осуществлено через взаимодействие с радикалами. Они не только интеллектуально обосновали необходимость вовлеченности Англии в события на Балканах, но и участвовали в формировании практического механизма проведения британского влияния в регионе. Это отчетливо прослеживалось в мероприятиях Балканского комитета, созданного в 1903 г. на волне восстаний в Македонии и Фракии.

Балканский комитет развернул интенсивную и многогранную деятельность. Им проводились открытые лекции, собрания, встречи, где обсуждалась тяжелая ситуация, сложившаяся в европейских провинциях Турции, и выдвигались различные проекты урегулирования македонского кризиса. Члены Балканского комитета организовали в прессе широкую кампанию по сбору средств для пострадавших от турецких преследований [18]. При их непосредственном участии был создан Македонский фонд помощи, который осуществлял благотворительную деятельность в европейских вилайетах. Безусловно, представители Балканского комитета были людьми убежденными и «болели за свое дело», и Форин оффис, дистанцируясь от их антитурецкой риторики на официальном уровне, сумел «направить энтузиазм» радикалов во благо британской политики на Балканах. Подтверждением этого можно считать разностороннее содействие, которое оказывали английским волонтерам британское посольство в Константинополе и консульская служба в балканских вилайетах [13. С. 14; 17. С. 231].

Очевидным также было взаимодействие между британскими представителями в Османской империи и прессой, от которой поступала достоверная информация об истинном положении дел в мятежных провинциях. Деятельность британских корреспондентов на Балканах оказалась важной с точки зрения политики Лондона еще и потому, что они поддерживали контакты с вождями повстанческого движения. Так, специальный корреспондент «Таймс» на Балканах Дж. Баучер неоднократно встречался с лидерами македонских революционеров: Д. Груевым, Г. Делчевым, Х. Татарчевым [14. С. 110].

Дискуссии в британских общественно-политических кругах на рубеже XIX—XX вв. по проблеме урегулирования Восточного вопроса, в частности его балканского аспекта, позволяют нам сделать ряд выводов.

Во-первых, существование в Британии развитой парламентской системы и давних традиций публичной политики делало возможным обсуждение широкой

общественностью важных международных проблем. Наличие в Англии богатого интеллектуального резерва, представленного радикальной традицией, а также возможность ее частичной адаптации облегчало Форин оффис корректировку британского внешнеполитического курса на Ближнем Востоке и Балканах в условиях изменения международной ситуации и обострения англо-германского соперничества.

Во-вторых, критика радикалами внешнеполитического курса правительства не только не дискредитировала Англию в глазах балканских народов, а, напротив, повышала ее популярность в регионе, особенно когда официальный Лондон перенял некоторые принципы, проповедуемые радикалами. Ведь все это создавало у местных народов впечатление того, что Британия была «образцовой» либеральной страной, которая руководствовалась сугубо гуманитарными мотивами в своей политике на Балканах, а значит на нее следовало ориентироваться.

В-третьих, все же надо признать, что радикалы представляли один из сегментов британского общественного мнения. Они были, прежде всего, приверженцами определенного набора ценностей, а не профессиональными дипломатами, что создавало для Форин оффис сложности, так как радикалы не всегда чувствовали тонкую грань между «гуманистической» риторикой и «реальной политикой». Их антитурецкая кампания привела к дальнейшему ухудшению британско-османских отношений. Османские интеллектуалы, например, Халил Халид, были склонны интерпретировать лозунги радикалов в духе теории «столкновения цивилизаций» (как «борьбу Креста и Полумесяца») [15. С. 25—26].

В целом, мы можем констатировать, что, несмотря на некоторые издержки, диалог между официальным Лондоном и радикалами имел позитивные последствия для британской политики на Балканах. На рубеже XIX—XX вв. британцы активно применяли тот внешнеполитический ресурс, который мы сегодня именуем «мягкой мощью» («soft power»).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Манькина. — М.: Изд-во МГУ, 2009.
- [2] *Booth J.* Trouble in the Balkans. — London: Hurst and Blackett, 1905.
- [3] *Brailsford H.* Macedonia. Its Races and Their Future. — London: Methuen & Co., 1906.
- [4] *Bryce J.* Introduction // *The Balkan Question: The Present Condition of the Balkans and of European Responsibilities.* Ed. by L. Villari. — London: J. Murray, 1905.
- [5] *Burman J.* Britain's Relations with the Ottoman Empire during the Embassy of Sir Nicholas O'Connor to the Porte, 1898—1908. — Istanbul: The Isis Press, 2010.
- [6] *Buxton N.* Freedom and Servitude in the Balkans // *The Westminster Review.* — London, 1903. — Vol. 159.
- [7] *Denton W.* Montenegro: Its People and Their History. — London: Dalby, Isbister & Co., 1877.
- [8] *Dacey E.* The Peasant State: An Account of Bulgaria in 1894. — London: J. Murray, 1894.
- [9] *Eliot C.* Turkey in Europe. — London: E. Arnold, 1900.
- [10] *Fraser J.F.* Pictures from the Balkans. — London: Cassell & Co., 1906.
- [11] *Gladstone W.E.* Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan, with Other Tracts. — Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1876.

- [12] *Gooch G.P.* Under Six Reigns. — London: Longmans, Green & Co., 1958.
- [13] *Graves R.* Storm Centers of the Near East. Personal Memories 1879—1929. London: Hutchinson and Co., 1933. P. 14.
- [14] *Grogan E. F.B.* The Life of J.D. Burchier. — London: Hurst and Blackett Ltd., 1926.
- [15] *Halid H.* The Crescent versus the Cross.— London: Luzac and Co., 1907.
- [16] *MacColl M.* Turkey or Russia // The Fortnightly Review. — London, 1895. — Vol. 58.
- [17] *O’Conor N.* Notes from Constantinople. The Political Diaries of Sir Nicholas O’Conor, Britain’s Ambassador to the Porte, 1898—1908. Ed. by J. Burman. — Istanbul: The Isis Press, 2010.
- [18] The Times, 25.01.04.
- [19] *Vivian H.* Poor Man’s Paradise. — London: Longmans, Green & Co., 1897.
- [20] *Weinroth H.* Radicalism and Nationalism: An Increasingly Unstable Equation // Edwardian Radicalism, 1900—1914: Some Aspects of British Radicalism. —London: Routledge and Kegan Paul, 1974.
- [21] *Wyon R.* The Balkans from Within. — London: J. Finch & Co., 1904.

**TWIXT PRAGMATISM AND IDEALISM:
BRITISH APPROACHES TO THE BALKAN POLICY REVISITED
(the late 19th / early 20th century)**

O.I. Aganson

Department of Modern and Contemporary History
Moscow State University
Lomonosovsky Avenue, 27-4, Moscow, Russia, 119992

The purpose of the article is to define how home debates on international issues influence a state’s foreign policy. This task was undertaken on the pattern of Britain’s policy in the Balkans in the late 19th/early 20th century. The author examines the role played by the radicals (left-wing liberals) in formulating Britain’s approaches to the Eastern question. It is stated that the interaction between the Foreign Office and the radicals rendered British policy in the Balkans more flexible.

Key words: Great Britain, the Balkans, British radicals, the Eastern question, the Ottoman Empire, soft power.